

Л.В.Матвеева, Э.Г.Цыганкова
ВСЕУКРАИНСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Год 1929-й

Создание Академии наук было заветной мечтой украинской интеллигенции еще с конца XIX в. Однако осуществилась она лишь в 1918. Один из основателей УАН, профессор Н.П.Василенко¹, выступая на первом заседании Комиссии по выработке законопроекта об организации Украинской Академии наук (9 июля 1918), подчеркивал: «Создание Украинской Академии наук имеет большое национальное значение, потому что и до сих пор встречается много людей, которые скептически и с насмешкой относятся к украинскому движению и возрождению /.../, не считают возможным развитие украинского языка и науки. Для тех, кто верит в жизнедеятельность украинского народа... создание Академии наук имеет огромное значение, является национальной потребностью и очередным вопросом»².

Авторство концепции УАН принадлежит В.И.Вернадскому, который в ответ на предложение Н.П.Василенко возглавить процесс становления новой Академии сформулировал основные организационные принципы будущей структуры:

Мне кажется, надо стать решительно на новый путь, на котором стоит Петроградская Академия наук, еще дальше расширив эту организацию. Академия наук — не простое общество, не имеющее своих институтов /.../ Академия наук есть собрание государственных учреждений: библиотека, архив, геологическая или, если возможно, географическая карта, национальный музей. Институты для опытных и гуманитарных наук должны быть обставлены достаточными средствами.

На первом месте, прежде всего, должно быть создано хорошо обставленное отделение украинского языка, литературы и истории и те отделы институтов, которые связаны с практически важными для государства интересами, связанными с изучением производительных сил страны и экономически-статистического исследования ее.

¹ Историк, член ЦК конституционно-демократической партии Н.П.Василенко в то время занимал пост министра народного образования в правительстве П.П.Скоропадского.

² Збірник праць Комісії для вироблення законопроекту про заснування Української Академії Наук у Києві. Київ, 1919. С.3.

Желательна возможно широкая свобода Академии в создании форм таких учреждений в зависимости от наличия научных сил и поднимаемых государственных вопросов. Я полагал бы необходимым в создаваемую Академию ввести возможно теснее общение с русской, но не немецкой наукой — но сия связь со славянскими учеными очень желательна. Это, конечно, вопрос дальнейшего будущего³.

Концепция УАН, сформулированная ее создателями, предусматривала полную независимость Академии от какого-либо давления со стороны государственных органов на ее внутреннюю жизнь. Академия «свободно и независимо ведет все свои дела, — отмечал В.И.Вернадский. — Для этого должна Академия не только пользоваться полной автономией, но и быть поставлено вне всякого влияния на ее внутреннюю жизнь от органов государственного управления, которые могут меняться»⁴. Эти положения нашли отражение и в Уставе УАН⁵.

Учреждение с такой степенью автономности в решении принципиальных вопросов развития науки неминуемо враждебно воспринималось советской властью. Политическое давление на ученых возникает очень рано. В 1921 в Киев для осуществления политического надзора прибыл назначенный комиссаром Академии Л.М.Левицкий, и с этого времени Всеукраинская Академия наук становится объектом преследования со стороны партаппарата ЦК КП(б)У как «очаг украинской буржуазной культуры и политики»⁶. В партийных кругах на «совершенно секретных» заседаниях достаточно часто ставились вопросы о политическом лице основателей Академии — «старых» интеллигентов, замене руководства и введении в ее состав новых членов из научных сил, не связанных с антисоветской политикой в прошлом, лояльных к партии и советской власти. На первое место выдвигался классовый подход в отборе «нужных» людей. Неоднократно подчеркивалось крайне враждебное идейное состояние академической интеллигенции.

Известный политический деятель, а со временем и академик УАН В.П.Затонский⁷ утверждал на одном из заседаний Политбюро: «...уже есть проповедники и идеологи украинской буржуа-

³ Институт рукописей Центральной научной библиотеки им. В.И.Вернадского АН Украины (ИР ЦНБ АН Украины). Ф.40. Д.1346 (1918). Л.6, 33.

⁴ Збірник праць Комісії для вироблення законопроекту про заснування... С.3.

⁵ Державний вісник. 1918. №75.

⁶ Центральный государственный архив общественных объединений Украины (ЦГАООУ). Ф.1. Оп.6. Д.40. Л.261.

⁷ Затонский В.П. (1888-1938) — государственный и политический деятель, химик, академик АН УССР (1929); в 1922-1924 — нарком просвещения УССР. Расстрелян в 1938.

зии. Это тот же Грушевский⁸, Академия Наук, которая находится в Киеве. Вся эта Академия Наук, вся идеология публики, которая находится вокруг Академии Наук и в литературе именуется неоклассиками, есть по сути идеология грядущей украинской буржуазии и отсюда их ориентация на Европу, отсюда стремление создавать украинскую культуру "хоч гірше аби інше", чтобы не была похожа на российскую. Отсюда противопоставление российской и украинской культуры в целом⁹.

На пути к «реформированию» ВУАН на протяжении 1920-х годов вокруг нее не затухали партаппаратные страсти.

В 1924 ЦК КП(б)У принимает постановление с указанием Наркомпросу разработать мероприятия, направленные на расширение состава Академии наук и обновление ее руководства. В начале 1925 в докладной записке замнаркомпроса Я.П.Ряппо «О реорганизации Украинской Академии Наук», поступившей в ЦК, предлагались новые кандидатуры для президиума Академии. Обязательным считалось введение в его состав коммунистов¹⁰.

Вскоре из недр НКП появился и проект «Основных положений реорганизации Всеукраинской Академии Наук», где поименно назывались кандидатуры для нового президиума ВУАН¹¹.

Одновременно академики-основатели УАН последовательно изолировались от решения важнейших вопросов академической жизни. Целенаправленность изменений осознавалась, но не принималась ими. В письме к В.И.Вернадскому (1926) Н.П.Василенко писал: «Реформа нам угрожает через несколько месяцев. Я говорю "угрожает", потому что считаю реформу преждевременной... Академия в своей организации имеет много недостатков, которые следует исправить. Это выяснилось на практике /.../, но радикальная реформа, повторяю, была бы преждевременной. Академия только еще начинает развертывать свою научную работу, приспосабливаться к новым формам, нисколько не вредным и не опасным для существующего строя, и ей нужно было бы дать возможность продолжать свою работу в них далее, не ломая... Мне кажется, что и руководители Главнауки стоят на той же точке зрения, но они как политические деятели должны прислушиваться и до веяния, что существует вокруг. И это делает вопрос о реформе крайне неясным, таким, который постоянно меняется. Мы же, академики, мечтаем только об одном, чтобы реформа не нару-

⁸ Грушевский М.С. (1866-1934) — историк Украины, академик АН СССР (1929) и УССР (1924).

⁹ ЦГАООУ. Ф.1. Оп.6. Д.93. Л.62.

¹⁰ Там же. Оп.20. Д.2008. Л.170.

¹¹ Архив Президиума АН Украины. Ф.Р-251. Оп.1. Д.30. Л.45.

шила нашей работы, которая после стольких тяжелых лет по-немногу налаживается»¹².

Внешне Академия продолжала жить своей жизнью, но давление власти все усиливалось. То и дело предлагались проекты структурных и кадровых реорганизаций, «спускались» новые правила и инструкции, регламентирующие академическую жизнь. Одновременно не без вмешательства властей в академических кругах искусственно разжигалась взаимная вражда, насаждалось доноительство.

В 1928 партаппарату удалось добиться серьезного успеха. После проверки Академии специальной комиссией Наркомпроса она была подвергнута жесточайшей критике по политическим мотивам и полностью переизбран ее президиум (президент В.И.Липский, вице-президент С.А.Ефремов и непрменный секретарь А.Е.Крымский)¹³. На эти посты опять-таки под давлением были избраны из числа академиков более уступчивые Д.К.Заболотный, К.Г.Вобльи, А.В.Корчак-Чепурковский.

Тем не менее до полной победы было еще далеко — предстояло коренным образом изменить кадровый состав, который в своем настоящем виде никоим образом не устраивал партийные органы, поскольку при выборе кандидатов в действительные члены ВУАН ограничивалась выдвижением «исключительно... старых, так называемых украинских деятелей, то есть узким кругом признанных до революции как знатоков в украинском деле, — но более молодые, или даже и немолодые, но до революции не признанные украинским научно-общественным кругом, научные деятели и тем более младшие научные деятели, несмотря на их после-революционную научную деятельность, были оставлены без выборного внимания ВУАН»¹⁴.

Описываемые события происходили, когда до выборов в ВУАН оставался еще целый год, но уже началась кампания выборов во Всесоюзную Академию наук, и украинские партийные и го-

¹² Центральный государственный архив-музей литературы и искусства (ЦГАМЛИ) Украины. Ф.542. Оп.1. Д.46. Л.418.

¹³ Липский В.И. (1863-1937) — ботаник, академик (1919) и президент ВУАН с 1922. С 1928 жил и работал в Одессе; Ефремов С.А. (1876-1939) — литературовед, политический и общественный деятель, академик (1920) и с 1922 — вице-президент ВУАН. В 1929 арестован и осужден как глава мифической контрреволюционной организации «Спілка визволення України» (СВУ), умер в тюрьме; Крымский А.Е. (1871-1942) — востоковед, непрменный секретарь ВУАН с момента ее возникновения. Арестован в июле 1941, обвинен в принадлежности к СВУ; умер в Кустанайской тюрьме в январе 1942.

¹⁴ ЦГАООУ. Ф.1. Оп.16. Д.4. Л.152.

сударственные органы имели определенные директивы ЦК ВКП(б) по вопросу выдвижения кандидатур.

Весной 1928 вышеупомянутая комиссия Наркомпроса по результатам проверки Академии выработала программный документ «Висновки і пропозиції НКО по обслідуванню стану та роботи ВУАН»¹⁵, в котором затрагивался и вопрос предстоящих выборов: «Перед Наркомпросом у всю височінь стоїть питання ґрунтового підходу до виставлених до ВУАН кандидатур з всебічною перевіркою їх з точок зору їх наукової ваги, як і з соціально-політичної діяльності так і з точки зору забезпечення для ВУАН можливості виконання її завдань дійсного представника цілої української науки й її участі в українському культурному процесі»¹⁶. Это означало, что с этого момента вопрос об избрании ученого в Академию решается чиновниками государственной власти.

В июне того же года нарком просвещения Н.А.Скрыпник направил в ЦК КП(б)У письмо, в котором указывал на необходимость выдвижения Украиной для участия в выборах в АН СССР своих кандидатов, а именно: математиков С.Н.Бернштейна и Д.А.Граве, химиков Л.В.Писаржевского и Плотникова, историков М.С.Грушевского и Д.И.Багалея. Тут же указывалось, что «выставленные кандидатуры ак. Крымского на вакансию кафедр Сходно-знавчих в сучасний момент НКО з політичних міркувань вважає за недоцільне»¹⁷.

Нарком просил поставить этот вопрос в ЦК КП(б)У, поскольку все, что касалось персонального состава Академии, зависело теперь от партийных учреждений высшего эшелона.

По поручению комиссии Политбюро заведующий АППО ЦК ВКП(б) А.Криницкий разослал в республиканские и областные парторганизации инструкцию с грифом «совершенно секретно», в которой разрабатывалась стратегия проведения академических выборов. Она не оставляет никаких иллюзий относительно объективности в оценке научных заслуг кандидатов и истинных рычагов

¹⁵ «Выводы и предложения НКП по обследованию состояния и работы ВУАН» (укр.).

¹⁶ Перед Наркомпросом во весь рост стоит вопрос основательного подхода к выдвинутым в ВУАН кандидатурам со всесторонней проверкой их с точки зрения их научного веса, как и в социально-политической деятельности так и с точки зрения обеспечения для ВУАН возможности выполнения ее задач действительного представителя всей украинской науки и ее участия в украинском культурном процессе (укр.). — ИР ЦНБ АН Украины. Ф.40. Д.50. Л.2

¹⁷ Выставление кандидатуры ак. Крымского на вакансию кафедр востоковедских на современный момент НКО по политическим соображениям считает нецелесообразным (укр.). — ЦГАООУ. Ф.1. Оп.20. Д.2705. Л.20.

формирования новой научной элиты и потому заслуживает того, чтобы быть приведенной полностью:

О ВЫБОРАХ В АН СССР

Опубликованным списком вакантных кафедр в Академии Наук СССР, статьями в «Известиях ЦИК'а» от 14/IV с.г. начата кампания по выборам в Академию Наук новых 43 академиков. Эти выборы имеют большое значение. В результате их должно быть укреплено наше влияние в Академии Наук. Академия Наук должна быть на деле превращена в центр научной мысли Союза, имеющий в своем составе наиболее квалифицированных и связанных с социалистическим строительством ученых и полностью обслуживающий социалистическое строительство нашей страны. Кампания должна также усилить партийное влияние среды квалифицированной интеллигенции.

Исход выборов зависит в большой мере от проведения следующих мероприятий:

- 1). Необходимо поднять общественное мнение страны и развить кампанию в печати *за*¹⁸ одних и *против* других кандидатов, не уделяя особого внимания «нейтральным». Защита и отвод кандидатов должны исходить: а) из соображений научной квалификации кандидата, б) из общественно-политической его характеристики. Статьи и отзывы должны быть составлены достаточно авторитетными товарищами (коммунистами или беспартийными).
- 2). Необходимо провести кампанию общественных отзывов в виде резолюций заседаний научных учреждений, ВУЗов, общественно-научных организаций, секций научных работников, студенческих организаций, профсоюзов *За* кандидатов или *ПРОТИВ*. При этом, чем больший круг научных организаций будет захвачен этой кампанией резолюций и отзывов в печати, тем лучше.

В №168 «Известий ЦИК» от 21/VII с.г. опубликован список всех заявленных кандидатур в количестве 205. Среди этих кандидатов должны быть *активно поддержаны следующие*: (см. приложение №1). Необходимо *основательно выступить против* (см. приложение №2). «Нейтральными» кандидатурами мы считаем остальные (среди них — явно подходящие, против которых мы не возражаем, но которых и не поддерживаем, а также много таких, к которым не следует привлекать внимание).

Для проведения настоящей кампании, постоянного руководства ею, для визы всех резолюций и статей парткомом должен быть выделен специальный товарищ, ответственный за ее проведение, его фамилию и занимаемую им должность сообщите сов. секретно на имя тов. Постникова в АППО ЦК ВКП(б).

¹⁸ Здесь и далее подчеркнуто в документе. — Л.М., Э.Ц.

В каждой организации, где Вы ставите вопрос об отзыве — резолюции за или против той или иной кандидатуры — должен быть выделен коммунист, *ответственный* за проведение кампании. Необходимо принять меры, чтобы организации, где слабо руководство коммунистов, *не примыкали к кампании самотеком*, давая нежелательное для нас направление оценки.

В целях сохранения конспиративности решительно рекомендуется избегать при проведении этой работы переписки, широких инструкций и т.п., ограничиваясь личными переговорами и указаниями.

В нужных случаях по возникающим вопросам сообщайте совершенно секретно на имя товарища Постникова в АППО ЦК ВКП(б)¹⁹.

По-видимому, процитированная инструкция не нуждается в комментариях; остается добавить только, что вслед за ней на Украину последовало новое распоряжение, дублирующее приложения 1 и 2:

Совершенно секретно. Срочно. ВКП(б). ЦК — зам. зав. АППО ЦК КП(б)У т.Левику. 29 сент. 1929 г.

В связи с началом работы подкомиссии Академии Наук и выбору кандидатов, немедленно разверните кампанию в печати и в общественно-научных организациях, точно руководствуясь письмом от 4/VIII за №5390/с, *за кандидатов* Бухарина, Лукина, Фриче, Губкина, Кржижановского, Вильямса, Покровского, Рязанова, Базарова, Маслова, Грушевского, Бернштейна, Крылова, *против кандидатов* Гюнтера, Железнова, Егорова, Кистяковского, Дояренко, Надсона, Фреймана, Челпанова, Гензеля, Любавского.

Зав. АППО ЦК ВКП(б)
Криницкий²⁰

Подготовка к академическим выборам в АН СССР тесно переплеталась с будущими выборами в ВУАН, которые должны были состояться летом 1929. 21 апреля 1928 на закрытом заседании Политбюро ЦК КП(б)У обсуждалась организационная работа Скрыпника по переизбранию президиума Академии. В постановляющей части, в частности, ему и секретарю ЦК Любченко было поручено наметить около 16 кандидатур новых академиков²¹. Вся ответственность за проведение выборной кампании в соответствии с инструкцией была возложена на зав. Укрнаукой Ю.И.Озерского. Зная, чем грозит ему лично малейшее отступление от пред-

¹⁹ ЦГАООУ. Ф.1. Оп.20. Д.2705. Л.18-20.

²⁰ Там же. Л.26.

²¹ ЦГАООУ. Ф.1. Оп.16. Д.6 (Особая папка решений Политбюро ЦК КП(б)У). Л.82.

писаний вышестоящих органов, и обеспокоенный возникающими трудностями, он обращается в ЦК КП(б)У за поддержкой. Его письмо ясно характеризует создавшуюся ситуацию и потому цитируется полностью:

В ЦК КП(б)У — тов.Косиору
тов.Любченко

Копия НКО — тов.Полоцкому — Приходько. 11/X 1928 г.

Считаю необходимым информировать ЦК о ходе работы по выборам в Академию, тем более, что встречаются моменты, по которым необходимы директивы ЦК, в частности, по поводу кандидатов от Украины.

Еще в предварительных заседаниях комиссии в Москве, о чем я сообщил тов.Левику, после возвращения в субботу 6.X после пленума комиссии с участием представителей республик 4.X в Москве под председательством тов.Енукидзе²².

Положение представляется в следующем виде:

1. Математика: наши кандидатуры: Крылов и Граве. Бернштейн проходит почти единодушно и бесспорно. Крылов поддерживается (хотя относительно с другими кандидатурами *академиками*), но в парткомиссии слабее. В научном отношении он немного, скорее равен, а по некоторым отзывам и слабее Граве. Для академиков он более приемлем, очевидно, по социальным соображениям. После первого тура матем. комиссии (а в первом туре только обсуждение, голосование *через неделю* во втором туре) после бесспорных: Бернштейна и Виноградова стоят Граве, Гюнтер, Егоров и Крылов. Против Гюнтера мы заявили отвод наш и против Егорова, но слабо поддерживается *Крылов* и сильно критикуется академиками Граве, в частности, Успенским, известным математиком, к голосу которого прислушиваются. Кандидатуру Лузина, поддерживаемую нашей комиссией, предполагается *академиками* проводить по философии. Это, возможно, тактический маневр, чтобы противопоставить *там* по философии *Деборину*. Поэтому вопросы: как держаться? Я держусь такой линии: за Крылова против Гюнтера и Егорова (а кафедр всего три и два кандидата уже есть); за *Граве* против тех же, за *Граве при* Крылове (в переговорах), в случае невозможности *Граве*, против *тех же Крылова*.

В случае Лузин — Крылов, Граве, настаивать категорически на одном из них украинце. Украина математикой может похвалиться, но нужна будет поддержка в ЦК ВКП.

2. *История*. Багалий и Грушевский. Грушевский проходит (пока в переговорах, комиссии еще не было) бесспорно. *Багалий* не в активных фигурах. В Комиссии был установлен такой порядок наших кандидатур: Покровский, Рязанов, Грушевский, Лу-

²² Синтаксис документа. —Л.М., Э.Ц.

кин, Пресняков, Петрушевский. Порядок академиков (приблизительно по переговорам): Рязанов, Грушевский, Покровский, Пресняков, Любавский, Егоров. Багалий выпадает из той и другой комбинации. Я считаю, тут для нас будет чрезвычайно невыгодно — удар по Багалию и по соображениям того, что Грушевский возвышается, а Багалий получает удар. По академии — с научной стороны Багалий ниже Грушевского, но общественная сторона у Багалия куда приличнее. Не может стоять вопрос Грушевский или Багалий, но Багалий или Петрушевский, Багалий или Егоров, осложняется дело с Лукиным, но у него чрезвычайно мало шансов и вряд ли стоит на Лукине заострять *окончательный* ультимативный бой. Против Егорова и Любавского категорически возражаем. Очевидно здесь будет самый жестокий бой, потому что комиссия самая зловредная: Платонов, Бу[зескул], Перетц. Комиссия будет завтра. Основное для нас — затирание Багалия. Требуется директива ЦК и соответствующее представление в ЦК ВКП.

3. *Заболотный*. В первоначальном *активном* списке его не было, я добился и его вставили в конец — на четвертое, пятое место и то не особенно охотно. Очевидно запоздала посылка из ЦК КП(б)У постановления. *Это отражается на ходе в прессе*: по московской и ленинградской прессе ничего нет, как и вообще, кроме Грушевского. Я считаю делом чрезвычайной важности — проведение Заболотного, ибо его провал понизит его авторитет в нашей академии и сорвет нам выборную кампанию в нашу академию. Я считаю, категорическим образом необходимым отстаивать Заболотного и по научным и по общественным мотивам. *Но академики его мало поддерживают* и это осложняет. Но политическая, научная и политическая постановка со стороны комиссии в целом, а не только Украины могут обеспечить прохождение. Кроме того, крайне необходимо: возможно больше /.../ за него *на Украине, статья в Москве и Ленинграде*. Как можно больше постановлений. Подчеркиваю серьезность положения с Заболотным потому что кандидатов много, а кафедр мало.

4. *Писаржевский*. Тоже дополнительно был по моим настояниям включен и тоже на последних местах. Кандидатура для нас совершенно ясная, но поддержка в ЦК ВКП тоже необходима.

Воблый. Нами не выставлялся, выставлен группой ученых в Киеве. Тактически на официальном заседании мне не удобно будет молчать, а тем более отводить (он вице-президент), но придется ограничиться *в разі потреби важливим*²³ выступлением.

Вот и все наши украинские кандидатуры.

Теперь несколько общих замечаний и предложений:

1. Общая встреча была вчера и сразу взяли «быка за рога». Карпинский заявил, что выбирать надо исключительно с научной

²³ В случае необходимости (укр.).

точки зрения. Никакие общественные, национальные, расовые моменты не должны иметь место. Наше руководство *молчало* на такую замечательную вступительную речь.

2. К Украине отношение не совсем подходящее — приходится и придется сильно бояться. Считаю безусловно необходимым в перерыве между первым и вторым турами — 15 и 16 — дни, когда не будет заседаний, приезд Парттройки в Москву, *приезд также обязательно* представителя ЦК КП(б)У, чтобы иметь *твердые списки*, для голосования и наши кандидаты были бы включены. Если невозможно, то может быть выехать в Харьков или Москву.

3. Статьи в Москве и Ленинграде обязательно про Заболотного, Багалия, Писаржевского, особенно в *Москве*. Необходимо из Харькова выслать также статьи и через ЦК ВКП их поместить в «Известиях».

4. Кампании не прерывать, а разворачивать и материалы посылать в академию и копию мне. Я просил бы проверить, как это выполняется потому, что пока что еще ничего нет, а это имеет здесь не маловажное значение, т.к. отзывы всем членам комиссии раздаются.

После окончания первого тура считаю необходимым еще раз написать.

Озерский

11/X 1928.

P.S. Шифровку получил²⁴.

Наконец выборы в АН СССР состоялись. Подошла очередь Украины. ЦК КП(б)У принял решение провести обсуждение кандидатур новых академиков по той же схеме, которая была установлена в АН СССР. Была создана комиссия из членов Академии и представителей научных учреждений Харькова, Одессы, Киева, Днепропетровска и союзной Академии. Общее руководство осуществлялось партийной комиссией, куда вошли секретарь ЦК Любченко, нарком просвещения Скрыпник, зав. отделами ЦК Хвыля, Демченко, нарком внутренних дел Балицкий. Комиссии вменялось в обязанность разработать такие методы и систему выборов, которые гарантировали бы проведение партийных кандидатур.

Впервые кандидатуры будущих академиков проводились через городские конференции представителей вузов, научно-исследовательских институтов и научно-общественных организаций под контролем партийных комиссий. Для этого создавались партийные тройки. Секретный отдел ЦК КП(б)У готовил «совершенно секретную» записку и списки кандидатов желательных и неже-

²⁴ ЦГАООУ. Ф.1. Оп.20. Д.2705. Л.27-29.

лательных, как это было описано выше. В список №1 вносились кандидатуры, которые предписывалось активно поддерживать, это прежде всего наркомы Скрыпник, Затонский, Шлихтер, председатель Госплана СССР Кржижановский, профессора Юринец, Яната и др.

В список №2 включались кандидаты, которых следовало забаллотировать. Среди них оказались такие крупные ученые, как физик Кордыш, механик Грдина, будущие академики В.Ю.Чаговец, А.И.Душечкин и др. К этому списку предпосылалось разъяснение, из которого следовало, что «При одводах необхідно спиратися на факти, зокрема, на факти з громадської та ідеологічної роботи кандидатів, даючи по можливості цитати із творів на зборах та в статтях до преси. Підкреслюємо знати, що одводи мають носити тактовний характер...» А в конце угрожающее замечание: «Необхідно звернути увагу на ті установи, що виставили небажаних каидатів...»²⁵

Одновременно в срочном и секретном порядке предписывалось всем газетам публикации о выборах согласовывать с Озерским²⁶.

Порядок выдвижения кандидатур также был установлен ЦК: «Комуністи повинні бути виставлені повсюдно і від найбільшої кількості організацій — через збори фракцій, окремих комуністів та окремих близьких нам позапартійних, з якими "відповідним способом" договорено»²⁷. Впервые при выдвижении кандидатур стали требовать представления характеристики научной и общественной деятельности кандидатов.

И, наконец, в обкомы был направлен очередной опять-таки тайный циркуляр за подписью А.Хвыли, в котором сообщалось, что с опубликования соответствующего постановления Совнаркома в газете «Вісті» от 16 апреля выборная кампания в ВУАН берет старт. Подчеркивалось, что выборы в АН СССР, забаллотирование там некоторых кандидатур коммунистов, выступление

²⁵ При отводах необходимо опираться на факты, в частности, на факты из общественной и идеологической деятельности кандидатов, приводя по возможности цитаты из трудов на собраниях и в статьях для прессы. Подчеркиваем еще раз, что отводы должны иметь тактичный характер /.../ Необходимо обратить внимание на те учреждения, которые выдвинули нежелательных кандидатов (укр.). — Протоколы заседаний комиссии Политбюро ЦК от 31/І 1929 г. // ЦГАООУ. Ф.1. Оп.20. Д.2923. Л.3об.

²⁶ Там же. Л.3.

²⁷ Коммунисты должны быть выдвинуты везде и от наибольшего числа организаций собраниями фракций, отдельных коммунистов и отдельных близких нам беспартийных, с которыми «соответствующим образом договорено» (укр.). — ЦГАООУ. Ф.1. Оп.6. Д.172. Л.89.

Ефремова в Украинской Академии свидетельствуют о серьезности предстоящей кампании, задачей которой является обеспечение проведения в ВУАН новых академиков из числа тех научных работников, которые лояльно относятся к советской власти, а также коммунистов. Для достижения цели предлагалось создать вокруг выборов и «наших» кандидатур широкое общественное мнение путем привлечения к участию в расширенном заседании Рады (Совета) ВУАН представителей научной общественности, поднять прессу, подготовить «коммунистические наши силы» к принятию соответствующих постановлений.

Особенно подчеркивалось требование ориентироваться на список, присланный из ЦК. «Треба добитися, аби небажані кандидата навіть не були виставлені зовсім, зокрема в наших радянських учбових та наукових організаціях та установах»²⁸.

В сущности, это был первый этап подготовки к выборам. Последующее развертывание кампании регламентировалось не менее тщательно.

Второй этап, предусматривающий организацию поддержки кандидатур, предписывалось начать в середине мая сразу после опубликования списка, а обсуждение кандидатур на конференциях, расширенном заседании Рады ВУАН должно было носить «серьезный, принципиальный, четкий и тактичный характер», статьи о претендентах должны писаться достаточно квалифицированными и известными научными сотрудниками, в частности, коммунистами: «Потрібно з самого початку виставлення кандидатів поручати місцевим науково-марксистським установам та окремим науковим робітникам комуністам...»²⁹.

Партаппарат беспокоило предстоящее голосование, поэтому он призывал тщательно готовить участников конференции к этой акции; для постоянного надзора и руководства создавались соответствующие партийные комиссии. И вновь был разослан партийный циркуляр с требованием сообщать о политических настроениях в научных кругах.

Выступая на VI Всеукраинском съезде Советов в мае 1929, Н.А.Скрыпник отмечал, что по всей Украине успешно проходят «научные собрания» по выдвижению кандидатур в Акаде-

²⁸ Необходимо добиться, чтобы нежелательные кандидаты совсем не выдвигались, в частности, в наших советских учебных и научных организациях и учреждениях (укр.). — ЦГАООУ. Ф.1. Оп.6. Д.172. Л.89.

²⁹ Серьезный, принципиальный, четкий и тактичный характер /.../ Необходимо с самого начала выдвижения кандидатур поручить местным научно-марксистским учреждениям и отдельным научным работникам коммунистам (укр.). — Там же. Л.90.

мию, и призывал готовить «новую генерацию научных работников»³⁰.

Впервые право выдвигать кандидатов, бывшее ранее прерогативой исключительно Академии, было распространено на высшие учебные и научные учреждения, которые в тот период уже находились под контролем власти; к участию привлекались также далекие от науки коллективы рабочих и колхозников. Так, кандидатуру математика М.Ф.Кравчука выдвигали общие собрания рабочих и служащих фабрики Одешвейпрома, а рекомендацию прислал Украинский институт сахарной промышленности³¹.

Количество открытых вакансий (34) превышало общую численность имеющихся штатных кафедр ВУАН. Чтобы избежать каких-либо неожиданностей, Политбюро постановило: «Ввести в склад Поширеної Ради Академії, на якій будуть обиратися нові академіки, — 25 наукових робітників. Наукові робітники обираються на конференціях м.Киева, Харькова, Одеси, Дніпропетровська. Частина делегується безпосередньо найбільш крупними науковими установами. Список затвердити комісії.

В зміну існуючого порядку вважати за необхідне встановити порядок виборів академіків простою більшістю голосів...»³².

В июне выборы состоялись. Рада ВУАН избрала 34 новых академика, среди которых были такие известные политические деятели, как упоминавшиеся выше Н.А.Скрипник, В.П.Затонский, А.Г.Шлихтер, Г.М.Кржижановский, философы-марксисты С.Ю.Семковский (близкий родственник Л.Д.Троцкого) и В.А.Юриец, высокопоставленный чиновник Наркомпроса М.И.Яворский и другие. Руководящие посты в Академии заняли коммунисты, которые сосредоточили свое внимание главным образом на вопросах идеологии.

Однако государство испытывало острую потребность в развитой науке, а, значит, и в ученых специалистах, и это хорошо понимали в руководящих кругах, где вынуждены были признать, что победа партийных и классовых принципов в науке остро ставит проблему научных кадров.

³⁰ Скрипник М.О. Вибрані твори. Київ, 1991. С.369.

³¹ Архив АН Украины. Юридическая группа. Д.14. Л.27, 29 (Справа академіка М.Ф.Кравчука).

³² Ввести в состав Расширенного Совета Академии, на котором будут избираться новые академики, — 25 научных работников. Научные работники избираются на конференциях г.Киева, Харькова, Одессы, Днепропетровска. Часть делегируется непосредственно наиболее крупными учреждениями. Список утвердить комиссии. В замену существующего порядка считать необходимым установить порядок выборов академиков простым большинством голосов (укр.). — Постановление Политбюро ЦК КП(б)У от 14 апреля 1929 // ЦГАООУ. Ф.1. Оп.6. Д.163. Л.74.

Поэтому было бы ошибкой считать, что выборы 1929 были абсолютным провалом в развитии украинской науки. В тот год в ВУАН пришли выдающиеся ученые. Среди них исследователь экономической и правовой истории Украины, блестящий лектор и знаток архивных фондов М.Е.Слабченко, историк Запорожской Сечи, археолог и этнограф, фольклорист и писатель Д.И.Яворницкий. Наибольшую часть избранников представляли специалисты из области естественных наук: М.Ф.Кравчук, А.Г.Гольдман, Е.И.Орлов, Е.В.Оппоков, А.А.Сапегин, В.В.Ризниченко, Д.К.Третьяков, Н.Г.Холодный, А.Н.Соколовский, А.В.Палладин. В Отделение технических наук пришли А.Н.Динник, Е.О.Патон, Г.Ф.Проскура, М.М.Федоров. Избраны были несколько ученых, которые работали за пределами Украины — Н.И.Вавилов, А.В.Леонтович, А.А.Богомолец, В.Н.Любименко, организатор и первый президент Белорусской АН, историк и выдающийся политический деятель В.М.Игнатовский.

Избрание двух поэтов — украинского П.Г.Тычины и белорусского Я.Купала, кроме признания их литературных заслуг, должно было демонстрировать «дружбу народов».

Отнюдь не научными кругами, а решением Политбюро ЦК КП(б)У были выдвинуты в академики и избраны в области филологии деятели культуры из Львова, работавшие главным образом в области фольклора, этнографии, литературы, журналистики: журналист М.С.Возняк, композитор Ф.М.Колесса, поэт В.Г.Щурат³³.

Избран был выдающийся западноукраинский географ С.Л. Рудницкий, который тремя годами ранее по приглашению правительства переехал на Украину, основал в Харькове Научно-исследовательский институт географии и картографии и был его директором.

Избрание представителей Западной Украины проводилось как политическая акция, основанная на далеко идущих внешнеполитических планах, некоторые аспекты которых становятся известными из тайной переписки между наркоматами иностранных дел, просвещения и ЦК КП(б)У, в которой обсуждалась возможность приглашения отдельных ученых из Западной Украины из числа наиболее вероятных кандидатов на кафедры украинского университета во Львове с целью «переманити таких кандидатів до нас, лишивши таким чином майбутній "Український університет" у Львові без популярних фігур і в руках явно угодовських елемен-

³³ ЦГАООУ. Ф.1. Оп.16. Д.6 (Особая папка решений Политбюро ЦК КП(б)У). Л.229.

тів, а тоді відкрити кампанію дискредитації цієї установи як польської, а не української»³⁴.

Трудная судьба ожидала ученых из Западной Украины, как, впрочем, и многих их коллег из ВУАН — избранников парадных выборов 1929. Пешки в политических играх, они вскоре были объявлены врагами народа и постановлением Президиума ВУАН исключены из числа действительных членов³⁵ на январской сессии ВУАН 1934: «Рудницького С.Л. — як активного учасника контрреволюційної націоналістичної організації, а також відвертого пропагатора в своїх творах поглядів українського фашизму, якого відкрито як активного контрреволюціонера й українського буржуазного націоналіста; Возняка, Колесу, Студинського³⁶, Щурата — як ворогів трудящих має України»³⁷.

Забегая вперед, отметим, что после присоединения Западной Украины к Советскому Союзу в 1939, когда развернулась работа по организации Львовского отделения Академии Наук УССР, Возняк, Колесса, Щурат и Студинский были реабилитированы и восстановлены в академических списках; Рудницкий к тому времени уже был расстрелян на Соловках. В целом же из 34 избранных были репрессированы 16 действительных членов. Среди них историки М.Е.Слабченко, М.И.Яворский, В.М.Игнатовский, в опале оказался Д.И.Яворницкий. Погибли Семковский, Юриец, Затонский, Скрыпник; по отделению физико-математических наук — Кравчук, Гольдман, Оппоков. Бесчисленными жертвами лагерей, тюрем, расстрелов стали доктора и кандидаты наук, а также рядовые сотрудники Академии.

Возвратимся к осени 1929. После выборов в ВУАН было организовано несколько откровенно политизированных новых кафедр и комиссий, в первую очередь историко-филологического и социально-экономического направлений. Скрыпник возглавил новообразованную кафедру национального вопроса и приступил к орга-

³⁴ Переманить таких кандидатов к нам, оставив таким образом будущий «Украинский университет» во Львове без популярных фигур и в руках явно соглашательских элементов, а затем открыть кампанию дискредитации этого учреждения как польского, а не украинского (укр.). — ЦГАОУ. Ф.1. Оп.20. Д.3098. Л.42.

³⁵ Некоторые детали этих событий освещаются в статье: Рублев А.С. и Черненко Ю.А. Сталинщина й доля західноукраїнської інтелігенції // Укр. історичний журнал. 1991. №4. С.37.

³⁶ С.О.Студинский «зачислен» академиком в 1928, минуя выборы.

³⁷ Рудницького С.Л. — как активного участника контрреволюционной националистической организации, а также откровенного пропагандиста в своих произведениях взглядов украинского фашизма, который разоблачен как активный контрреволюционер и украинский буржуазный националист; Возняка, Колесу, Студинского, Щурата — как врагов трудящихся масс Украины (укр.). — Вісті ВУАН. 1934. №1. С.П.

низации комиссий для изучения национального вопроса и для изучения конституционного советского права. Шлихтер занял кафедру сельскохозяйственной экономики с комиссией социалистического переустройства сельского хозяйства; Юринец — кафедру социологии с комиссией социалистических исследований; Яворский основал комиссию марксистской методологии истории³⁸. Новостью стала организация при президиуме популяризаторской комиссии. Организационная деятельность этих и нескольких других комиссий началась очень энергично, но скоро отошла на второй план в связи с последующими политическими событиями.

Успех партийной номенклатуры в избирательной кампании 1929 нельзя относить исключительно за счет ее тщательной режиссуры. Не меньшую, а пожалуй, большую роль сыграло то обстоятельство, что она проходила одновременно с массовыми арестами по делу «Спілки визволення України» (СВУ), контрреволюционной организации, которая, как в настоящее время доказано, никогда не существовала. И это не было случайным совпадением. Многочисленные реорганизации, кадровые изменения вместе с неожиданными превращениями во врагов народа тех, кого на протяжении многих лет знали как коллег, ученых, специалистов, — все это повергало в полную растерянность, лишало способности к сопротивлению. Последнее обстоятельство с удовлетворением отмечалось в партийных кругах.

В фондах бывшего Партархива Украины сохранился уникальный документ — стенограмма выступления известного уже читателю комиссара Академии Л.М.Левицкого на совещании Киевского окружкома КП(б)У в ноябре 1929. Эта речь «своего среди своих» исполнена такого дремучего цинизма, с такой степенью откровенности обнажает «роль партии в развитии советской науки», что заслуживает быть процитированной полностью в той части, которая касается Академии наук³⁹:

Как всегда проявления идеологии на этом фронте более всего были заметны на Академии Наук. Это был главный очаг, в котором моменты идеологической борьбы в Киеве наиболее ярко выявились. Сейчас в связи с сообщением об арестах по делу СВУ шум большой в научных кругах поднялся. И моменты значительного ошеломления тут хорошо заметны. Хотя бы на вчерашнем заседании Секции научных работников... Но все-таки я должен сказать, что состояние на нашем научном и вузовском фронте характеризовать положительно нельзя.

³⁸ ЦГА ВОВ Украины. Ф.166. Оп.9. Д.358. Л.123.

³⁹ Оригинал на укр. языке. Цитируем его в нашем переводе. — Л.М., Э.Ц.

Эти аресты нас убеждают в том, что есть большое число людей, которые находились в провокационно затаенном состоянии и работали на наших ответственных постах, скажем, Гермайзе, это пример яркой провокации, который был очень близок к нашей работе, который руководил исторической секцией Марксистско-Ленинской кафедры и в представлении многих беспартийных казался яркой советской фигурой. Мы на сегодняшний день не можем сказать, что убеждены в том, что и в будущем нет таких случаев, что их не может быть впоследствии. Этот самый процесс показал, что и другие научные работники тоже в той или иной степени связаны с ним.

Скажем, Корчак-Чепурковский имеет некоторое отношение, Дорошкевич имел в прошлом и т.д.

Сейчас в Академии Наук чувствуются настроения более или менее угнетенные и даже заметна некоторая растерянность. Избрание научных работников доказало нам наглядно, что сейчас в Академию Наук можно провести без особых затруднений кандидатуры, которые нам нужны. Мы этим воспользовались и часть партийных товарищей туда всунули и постарались разбить то семейное окружение, какое там было. И это достаточно легко было сделать, все наши предложения проходили.

Правда, мы тут опираемся в проблему кадров и почти всегда подходящих людей не хватает. Это можно несколькими острыми случаями перевода младших сотрудников в старшие доказать. Когда мы подбирали на Историческую Секцию академика Грушевского двух научных сотрудников, мы не могли найти нужных нам товарищей и вынуждены были поставить вопрос о продлении конкурса.

Мы выдвинули одного партийного товарища, но он отказался, несмотря на то, что есть партийное постановление.

То же и по литературной секции; мы отвели Зерова довольно легко, что тоже свидетельствует об определенной растерянности сейчас в Академии, которая не могла против этого хоть как-то сопротивляться.

Но отклонив Зерова, мы не имеем на его место соответствующего товарища, которым можно было бы его заменить. Сейчас нашелся Загул — беспартийный, который дал свое согласие, и мы его будем продвигать. Значит, возможность и благоприятная обстановка для продвижения в Академию Наук наших сил уже есть.

Нельзя сравнить это положение с тем, что было год назад. Тогда трудно было бы кого-нибудь провести, т.к. его активно забаллотировали бы, а сейчас принимают все наши предложения, которые мы решительно ставим в плоскости классового подбора научных сил.

Как приблизительно готовятся силы теперь на научном фронте? Надо сказать, что Президиум Академии в лице Акаде-

мика Заболотного мы считаем советским, он всегда шел на наши предложения, через академика Заболотного мы могли осуществлять наши предложения.

Год назад Президиум был чрезвычайно вял, его не поддерживало большинство академиков, а сейчас на стороне Президиума есть некоторый перевес, есть укрепление сил и есть определенный советский актив, на который может опираться Президиум Академии.

Тут, разумеется, упираемся в позицию академика Грушевского, который имеет еще большой общественный резонанс, свои позиции, свое окружение.

Раньше академические научные силы объединялись в две группы: одна — Грушевского, другая — ефремовская. Теперь Грушевский приближается к Президиуму, но занимает более или менее автономную позицию; с арестованной группой он явно не солидаризируется, хотя открыто против нее не выступает и вряд ли выступит. Он отмежевывается в разговорах личных и групповых, но избегает открытого общественного выступления.

В наших исследовательских учреждениях положение приблизительно такое же...

Сейчас мы стоим накануне перевыборов Президиума всех отделений Академии Наук, мы решительно укрепляем свои позиции, безусловно привлекаем новых советских научных работников: стоим на позициях решительной ломки там, где по сути ранее был штаб контрреволюционной интеллигенции во главе с акад. Крымским и Ефремовым, где был официальный очаг той организации, которая разоблачена — ныне экстерриториальное положение Академии в Советской Украине ликвидировано, там стоит достаточно прочно наша нога, и мы свои позиции углубляем далее.

Мы ставим на порядок дня генеральный пересмотр программ и персонального состава всех научно-исследовательских учреждений, чтобы приблизить их к задачам и потребностям социалистической реконструкции...⁴⁰

После того, как ученым было дано ясно понять, кто хозяин в науке, на первый план академической жизни выдвинулись события политического процесса СВУ, направленного против широких слоев украинской интеллигенции. И тут главный удар приняла на себя ВУАН, объявленная средоточием контрреволюционной шайки врагов, которая якобы была создана и действовала под руководством вице-президента академика Ефремова совместно с его коллегами А.В.Никовским, А.Г.Черняховским, В.Я.Пидгаецким и другими. Хотя на скамье подсудимых оказалось только

⁴⁰ Стенограмма совещания Киевского Окружкома КП(б)У о работе ВУАН. 1929. 24/ХІ. — ЦГАООУ. Ф.1. Оп.20. Д.3032. Л.6-9, 12.

45 человек, в действительности арестовано и осуждено было значительно больше — по данным диаспоры в 1929-1930 было репрессировано более 250 сотрудников Академии, среди которых было 49 историков, 43 филолога и литератора, 29 юристов, 29 экономистов, 18 этнографов, 15 археологов и т.д.⁴¹

Есть все основания полагать, что процесс этот не был явлением уникальным и чисто украинским; именно в это время шли аресты среди русских ученых, обвинявшихся в создании организации «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России», в Белоруссии проходил процесс «Спилки вызволения Билоруси». Бросается в глаза разительное сходство не только названия организаций, но и формулировки их целей, методов и т.д. На одну из общих черт — отсутствие попыток найти виновных, установить правдивость фактов — в свое время обратил внимание академик ВУАН Ф.И.Шмит, заметивший, что советское правосудие имеет прежде всего политический показательный характер и всякое нарушение закона рассматривает не с точки зрения законности, а «имеет целью, если можно так сказать, общественно-воспитательные цели»⁴².

Стремлением развернуть широкое впечатляющее действо объясняется строгая и тщательная, вплоть до мельчайших подробностей, регламентация в подготовке и проведении судилища, которым, как это было при проведении выборов, руководило ЦК КП(б)У, а главными исполнителями были наркоматы внутренних дел и просвещения.

В последнее время процесс этот нашел широкое отражение в печати, и мы только напомним ход основных событий.

Еще в 1926 нарком внутренних дел В.Балицкий установил негласный надзор за академиком С.А.Ефремовым, человеком очень влиятельным в академических кругах. В октябре 1928 ГПУ по указанию Политбюро повысило внимание к Ефремову в связи с публикацией его статьи в газете «Діло». Собственно сам факт публикации в буржуазной прессе стал основным мотивом обвинения. Президента ВУАН Д.К.Заболотного обязали организовать вокруг этого события общественное мнение таким образом, чтобы выдвинуть политическое обвинение против Ефремова, который незадолго перед этим был устранен со всех руководящих административных постов. Поскольку содержание статьи не содействовало развертыванию дискуссии, то и дело с осуждением учено-

⁴¹ Юридична наука і освіта на Україні. Київ, 1993. С.45.

⁴² ЦГАМЛИ Украины. Ф.542. Оп.1. Д.258. Л.2. (Ф.И.Шмит — Н.Д.Полонской-Василенко. Письмо от 30/V 1924 из Москвы в Киев).

го продвигалось вяло⁴³; поэтому в следующем месяце Бюро киевского окрпарткома постановило: «Констатувати, що кампанію боротьби проти ак. Ефремова, що її запропонував ЦК КП(б)У, в Києві не було переведено з достатньою енергією й майже зовсім не розпочато, за винятком виступу т.Семко на зборах ІНО та заходів, що їх вжили фр. Бюро секції наукових робітників і ОК ЛКСМУ.

Вважати за потрібне в найближчі часи розгорнути найшвидшу роботу щодо проведення цієї кампанії, в першу чергу — по лінії місцевої преси та серед громадських організацій.

Доручити АПВ 9/ХІ скликати відповідну нараду для визначення певних гасел щодо переведення цієї кампанії та внесення організаційності в цю роботу. Запропонувати редакторам газет вмістити в пресі промову академіка Заболотного та кооператора Левицького на Пленумі ОК ЛКСМУ»⁴⁴.

Наконец постановлением Президиума ВУАН статья Ефремова была признана «направленной против политики соввласти». Несколько позже Политбюро ЦК КП(б)У приняло секретное решение считать необходимым проведение общественной кампании среди широких кругов интеллигенции с целью одобрения академического постановления о Ефреме.

Тогда же было разослано «совершенно секретное» распоряжение ЦК КП(б)У, в котором подчеркивалось, что это постановление вызывает сопротивление со стороны некоторых академиков. «Вони хотіли б переглянути цю постанову на загальних зборах ВУАН (Про це повідомляю вас для орієнтировки, але не для розповсюдження)»⁴⁵. ЦК предписывал окружкам немедленно орга-

⁴³ Эти события описаны Ефремовым в дневнике, фрагменты из которого недавно опубликованы, см.: Лицар духу / Передмова та публікація В.Г.Шмельова // Київська старовина. 1992. №1. С.48.

⁴⁴ Констатировать, что кампания борьбы против ак. Ефремова, которую предложил ЦК КП(б)У, в Киеве не проводилась с достаточной энергией и почти совсем не начата, за исключением выступления т.Семко на собрании ИНО и мероприятий, осуществленных фр. Бюро секции научных работников и ОК ЛКСМУ.

Считать необходимым в ближайшее время развернуть живейшую работу по проведению этой кампании, в первую очередь — по линии местной прессы и среди общественных организаций.

Поручить АПО 9/ХІ созвать соответствующее совещание для выработки определенных лозунгов, относящихся к проведению этой кампании и внесения организovanности в эту работу. Предложить редакторам газет поместить в прессе речь академика Заболотного и кооператора Левицького на Пленуме ОК ЛКСМУ (укр.). — ЦГАООУ. Ф.1. Оп.20. Д.2639. Л.56.

⁴⁵ Они хотели бы пересмотреть это постановление на общем собрании ВУАН (Об этом информирую вас для ориентировки, но не для распространения) (укр.). — Там же. Д.2924. Л.5.

низовать проведение собраний среди научных сотрудников и студентов в поддержку решения Президиума ВУАН, но, стремясь создать иллюзию «инициативы масс», ставил условие: «Питання про академіка Ефремова треба ставити на чергових засіданнях різних організацій, аби так засідання не набрали характеру засідань спеціально скликаних з цього приводу. Треба досягти того, щоб всі ці збори й засідання ухвалили резолюцію, що приєднуються до постанови Президії ВУАН. Резолюції ці містити в місцевій пресі та передавати через РАТАУ»⁴⁶.

И тут же во избежание возможных и невозможных отклонений от установленного сценария определен календарный план проведения кампании и приложен образец резолюции будущих собраний, в которой предлагалось обязательно отметить, что выступление Ефремова является антисоветским и полезным только для врагов СССР: «Збори заявляють, що радянське суспільство всяк спроби виправдання академіка Ефремова може розглядати як соліарність з антирадянським виступом і дасть рішучу відсіч всім, хто це пробує робити»⁴⁷.

Дальнейшая подготовка процесса также шла по плану.

Первые аресты начались весной 1929 сначала среди студентов Института народного образования, якобы членов контрреволюционной организации «Спілка української молоді» (СУМ). Арестованы были главным образом бывшие воспитанники Украинской гимназии и 1-й трудовой школы в Киеве. В докладной записке органов, направленной в партаппарат, значилось, что возглавляли СУМ учитель В.Г.Дурдуковский, близкий к Ефремову, Б.Ф.Матушевский — сын бывшего петлюровского посла в Греции, Н.П.Павлушков — племянник Ефремова. Члены «Спілки» якобы готовили террористические акты против Троцкого и Дзержинского, а идейным вдохновителем этой организации был Ефремов, одобрявший их программу, в которой было записано, в частности, что Украина должна быть независимой демократической республикой.

Тайные пружины процесса СВУ, нашедшие отражение в цитированных выше документах, естественно, оставались неизвест-

⁴⁶ Вопрос об академике Ефремово необходимо ставить на очередных заседаниях разных организаций, чтобы такие заседания не приобретали характер заседаний специально созванных по этому поводу. Надо достичь того, чтобы все эти собрания и заседания приняли резолюцию, что присоединяются к постановлению Президиума ВУАН. Резолюции эти помещать в местной прессе и передавать через РАТАУ (укр.). — ЦГАООУ. Ф.1. Оп.20. Д.2924. Л.5.

⁴⁷ Собрание заявляет, что советское общество всякие попытки оправдания академика Ефремова может рассматривать как солидарность с антисоветским выступлением и даст решительный отпор всем, кто это попытается делать (укр.). — Там же. Л.6.

ными общественности, люди могли видеть только внешнюю сторону событий, а они сеяли страх и поражали своей нелепостью.

Аресты в Академии начались к лету и скоро стали лавинообразными. Основной удар приняло на себя I (историко-филологическое) отделение. На протяжении июля-августа за решеткой оказались С.А.Ефремов, А.В.Никовский, Й.Ю.Гермайзе; за ними последовала группа филологов — В.М.Ганцов, Е.Т.Андриевская, В.К.Демьянчук, Г.К.Голоскевич — все из ближайшего окружения Крымского. В числе арестованных был ученик, личный секретарь Крымского и директор академического издательства Н.З.Левченко, которого Крымский, не имевший детей, называл сыном, а тот платил ему глубокой сыновьей привязанностью.

Летом убитый горем Крымский находился в Звенигородке, не оставляя попыток сделать что-либо для Миколы. Информацию из Киева он получал от сотрудника ВУАН В.Г.Иванца, письма которого донесли до нас живую картину происходящего в те дни в Академии.

Выдержки из писем в нашем переводе с украинского приводятся ниже.

17 июля 1929: «...С Николаем дело обстоит так: он еще до сих пор не вышел, даже нельзя представить, когда это будет. Однако ж никто лучше Вас не знает, как Николай всегда был занят работой по делам Издательства и наукой, и кроме этого ничего не знал. Ясно, что случилось какое-то недоразумение. Но говорят, пока что-либо выяснится, может пройти много времени. Надо, чтобы кто-нибудь начал хлопоты, обратился в прокуратуру и т.д. Академия сейчас ничего не сделает: весь Президиум разъехался. Кравчук тоже поехал на два месяца, его замещает Иваницкий-Василенко. Также ничего не будет и от месткома. Никто из знакомых Николая тоже ничего не может сделать — они все ж люди посторонние, родственников у него также нет. *Надо* Вам, А.Е., самому это сделать, *надо* обязательно приехать, т.к. без этого дело долго будет тянуться. Возможно потребуется обратиться и к Дмитрию Иван[овичу Багалию], он пользуется доверием и он хорошо знает всю жизнь Николая; если нужно, он сможет взять его на поруки. Замещает его теперь Вас[илий] Клим[ентович Демьянчук] по поручению президента, но как долго это будет? Рыжий пробовал сесть сам, даже обращался к президенту, что он согласен пожертвовать для этого своим отпуском, но Кравчук был категорически против этого...»

2 августа: «...При той ситуации, какая теперь создалась, совсем было бы Вам приезжать нецелесообразно; мне кажется, что надо ожидать конца следствия, официально ничего до этого нельзя узнать. Обычно, по закону, следствие должно закончиться за три недели (по крайней мере, так говорят), но прокуратура мо-

жет увеличивать этот срок в случае необходимости. Если принять во внимание, что задержали в Академии еще кое-кого (я слышал о таких: Никовский, Коробцов, С.А.Ефремов, Стешенко, Гермайзе, швейцар Януков, Ярослав Сташенко, больше не помню), можно предположить, что Николай взят не по личному какому-то делу. Тогда понятно, что следствие тянется долго. Однако, если думаете предпринять отдельное ходатайство, то это не помешает начать и теперь.

Приходила мачеха Николая, все время плакала. Она пошла просить свидания. Разрешают это родственникам, может быть, ее пустят.

В издательской части Вас. Клим. согласился заведовать временно, чтобы не пускать «ираниста без цыганского языка», фактически Вас. Клим. на даче. Работу по 1 и 8 типографии выполняет Середа... От этого естественно создалась неразбериха — в Издательстве не знают, что в типографии...»

26 августа: «...Всеякие ходатайства об арестованных ГПУ можно подавать в Киеве "Прокурору по делам орг. ГПУ", а высшая инстанция в Харькове "Генеральный прокурор УССР".

Если Вас интересует мое мнение, то я не только к председателю Киевского ГПУ, а и в Киевскую прокуратуру сейчас не обращался бы — думая, что в нынешних обстоятельствах это ни к чему. Во-первых, только после двух месяцев ареста ГПУ должно предъявить обвинение, а сейчас прошло только 1 1/2; значит формальной причины для жалобы нет. Второе, возможно заявлениями аналогичного характера Прокуратура завалена так же, как ГПУ.

Были примеры в Академии, что в подобных случаях обращались с ходатайством об *ускорении* рассмотрения дела, т.к. отсутствие арестованного вредно отражается на работе учреждения. Но опять-таки в аналогичных обстоятельствах и другие академические учреждения, напр., словарь живого языка: арестован Голоскевич, был обыск у Ганцева; или Комиссия общественных течений — председатель ее Ефремов задержан, а в помещении самой комиссии также был обыск. Одним словом, Вы видите, что ускорить ничего нельзя; надо Вам ждать, пока дело само не решится...»

9 сентября: «Николаю с 1/IX уже не будут платить зарплату, но его денег есть еще рублей 180, а на неделю надо не более 35 руб.

Проф. Беркут настойчиво домогается от Издательства, где рукопись его работы (нечто о средней истории), начало ее переводил Горянский — 4 1/2 листа, Николай взял это и теперь неизвестно где. Нет ли в Звенигородке?

Пыслаю инструкцию об обследовании кабинета Арабо-иранской филологии и бланки в /.../ экземплярах. Это разослано *всем* комиссиям ВУАН».

14 сентября: «Пользуясь случаем, сообщаю, что в деле Николая Захаровича есть некоторые изменения. Именно: вчера 13/IX-29 в 3 часа дня в присутствии Кравчука, Иваницкого и меня в помещении историко-филологической кафедры и библиотеки арабо-иранской филологии сотрудники Киев. ГПУ сделали обыск, который продолжался 4 часа. Обыск имел одну определенную цель — осмотреть те ящики, которые стояли в большой комнате. Как выяснилось — в меньшем ящике сложена была Н.З. переписка смешанного характера — с одной стороны полуофициальная переписка по его научной работе, а с другой просто его личные материалы — дневники, записные книжки и др.

Что касается другого ящика — то там находится Ваша переписка, он осмотрен поверхностно, т.к. отбирался материал, относящийся к Левченко. Тут изъяты некоторые письма Н.З., которые почему-то попали сюда, а также какая-то рукопись за подписью "Яков Собищанский. Горе чайке" или что-то в таком роде.

Представители ГПУ полагают, что это принадлежит Н.З., хотя почерк не его. Иваницкий думает, что это кто-то прислал для просмотра в Академию (характер рукописи, видимо, антисоветский). Кроме того в шкафу найдены две копии этой рукописи, напечатанные на машинке. На этом дело закончилось, представители ГПУ извинялись за беспокойство "хотя вина не их, а сотрудников Академии, которые хранят свою личную переписку в Академии..."»

4 октября: «...Я думаю, что окончание дела не так скоро будет. История продолжает запутываться: взяты Ганцев, Иваница, Елена Трофимовна Андриевская, еще кое-кто, но не такие близкие к ВУАН. В эту субботу был в комнатах Словаря живого языка обыск. Если предположить, что это все одно дело, то видно, что для рассмотрения всего этого материала потребуется много времени. И это еще раз доказывает беспочвенность слухов о Николае, которые дошли до Вас: следствие продолжается.

Теперь относительно ходатайства: на днях будет уже два месяца, как Николая забрали. Не повредило бы начать хлопоты об ускорении дела: можно подать главному прокурору УССР т.Михайлику, или как?..⁴⁸

Тем временем процесс продолжал разворачиваться. В октябре готовилось уведомление для украинских и русских газет о разоблачении контрреволюционной организации СВУ, «яка ставила за мету повалення радянської влади на Україні і відновлення капіталістичного ладу»⁴⁹. В недрах партаппарата выработано было новое

⁴⁸ ИР ЦНБ АН Украины. Ф.ХХХVI. Д. 282, 283, 285 — 287, 290 (В.Г.Иванец — А.Е.Крымскому. Письма из Киева в Звенигородку).

⁴⁹ ...Которая ставила целью свержение советской власти на Украине и восстановление капиталистического строя (укр.). — ЦГАОУ. Ф.1. Оп.20. Д.2991. Л.186.

руководство к дальнейшим действиям. На заседании Политбюро ЦК КП(б)У 3 ноября по докладу Балицкого принято постановление: «а) Суд организовать в Харькове. б) Для процесса выделить из числа обвиняемых не больше 40 человек. в) Обеспечить, чтобы после утверждения ПБ ЦК КП(б)У текста сообщения ГПУ УССР по делу о "Союзе визволення України" — это сообщение появилось одновременно в украинской и московской прессе»⁵⁰. Этим постановлением было определено, что председателем суда будет Мазур, государственным обвинителем Михайлик, общественным обвинителем — Любченко. Сохранившийся текст сообщения не отличается от документов подобного рода, но представляет интерес потому, что сопроводительное письмо к нему на имя Косиора написано на бланке ЦК ВКП(б), что указывает на то, что главное руководство процессом находилось за пределами Украины.

23 декабря председатель ГПУ Балицкий провел допрос С.А. Ефремова, на котором тот признал, что СВУ существовал в действительности и главным его организатором назвал себя. «Все члены СВУ теперь политические трупы», — заявил он. На вопрос о его отношении к советской власти он ответил, что был уверен в полезности своего дела для рабочих и крестьян, но возражал лишь против лозунга «диктатуры пролетариата», который, по его мнению, следовало бы заменить на «сотрудничество трудящихся». «Единственное мое разногласие — это вопрос о политических правах. Советская власть делает здесь ошибку. Я говорю о правах всех граждан, даже контрреволюционеров, и под свободами понимаю — свободу слова и прочие. Для советской власти ничего страшного не будет, если и помещику будут предоставлены эти свободы»⁵¹.

Итак, Ефремов признал не только факт существования СВУ, но и свою роль ее руководителя. Объявив себя виновным, он в последнем слове подсудимого в завершающей стадии процесса настаивал на своей вине, подчеркивая, что другие обвиняемые не осознавали или даже не знали, что принимают участие в этой организации.

Почему Ефремов — человек, известный своим мужеством, бескомпромиссностью, высочайшей честностью и правдивостью — признал факт существования мифической организации, становится известным со слов В.М.Ганцова, талантливого филолога, сотрудника ВУАН, также осужденного по делу СВУ. Обращаясь

⁵⁰ ЦГАООУ. Ф.1. Оп.16. Д.7 (Особая папка решений Политбюро ЦК КП(б)У). Л.61.

⁵¹ Там же. Л.101.

к прокурору Киевского военного округа в 1960-е годы с заявлением о пересмотре его дела, он писал:

Я один из немногих оставшихся в живых из группы осужденных по процессу «СВУ» 1930 года. В момент ареста мне не было еще полных 37 лет, в текущем 1966 году мне исполнится 74 года. Половина моей жизни прошла после этого злополучного процесса и, к сожалению, это был период расцвета творческих сил, когда я мог так много дать для отечественной науки. Решением Верховного суда УССР я был приговорен к 8-ми годам заключения со строгой изоляцией и последующим поражением в правах на три года.

Фактически же я пробыл безвыходно в заключении 17 лет и 4 мес., так как по отбытии первого срока наказания Особым Совещанием назначен был мне новый срок — опять 8 лет с содержанием в Исправительно-трудовых лагерях, а по отбытии второго срока я был задержан в лагере впредь до особого распоряжения. Ни в первом, ни во втором случае никакого дополнительного следствия не велось, никто меня ни разу не вызывал, приговор ничем мотивирован не был. Освобожден я был как «пересидивающий» 20 декабря 1946 года, а через три года, 17 декабря 1949 г. я снова был арестован и после нескольких месяцев, проведенных в следственной тюрьме, по Постановлению Особого совещания был сослан без указания срока в Красноярский край, но с упоминанием статьи и пунктов моего первого дела («СВУ»).

В качестве ссыльного полит-поселенца я прожил больше 6-ти лет в Усть-Енисейском районе Таймырского национального округа (пос. Караул). За время долгого заключения и ссылки, которого почти хватило бы для полного трудового стажа, я прошел десятки тюрем и лагерных пунктов, проделал десятки этапов. Это было настоящим «хождением по мукам», а все случившееся оказалось для меня полной жизненной катастрофой. А между тем я никогда не принадлежал к организации «СВУ» и во время процесса при опросе подсудимых я решительно заявил, что к организации «СВУ» я не принадлежал и о существовании такой организации не знал. Мне пришлось, правда, признать, что я оказался причастным к деятельности «СВУ», так как во время предварительного следствия я исходил из предположения, что какая-то организация существовала или была, по крайней мере, попытка создания какой-то организации, ведь мне давали прочитать показания других подсудимых, которые признавались в принадлежности к организации «СВУ». Свою неосведомленность я объяснял тем, что почти 15 месяцев (с декабря 1927 г. до конца февраля 1929 года) я находился в заграничной командировке. Но страшная истина для меня открылась лишь на последней стадии судебного процесса, когда на мой вопрос С.А.Ефремову, считавшемуся лидером организации, как он мог дать показания, что информировал меня о существовании организации

«СВУ», он (и сейчас это помню), с нескрываемым раздражением в голосе ответил: «Да разве Вы не знаете, что никакого "СВУ" не было??» На мой вопрос: «Как же это получилось?» — он пытался объяснить, что долго ничего не хотел признавать, но когда ему начали предъявлять многочисленные показания других подсудимых, которые признавали свою принадлежность к «СВУ» и называли его (Ефремова) главою организации, который и вовлек их в нее, перед ним встал вопрос: «Какой же найти выход из создавшегося положения?» И он после долгих колебаний решил подтвердить показания других подсудимых, лишь бы довести дело до открытого процесса, и на первом же открытом судебном заседании сделать заявление, что от всех своих показаний, данных во время предварительного следствия, он отказывается, как от вынужденных и не соответствующих действительности. Осуществить свое намерение он не решился.

Назначенный ему защитником Ратнер (возглавлявший коллегию защитников на процессе «СВУ»), по словам Ефремова, даже за голову схватился: «Боже Вас сохрани, Боже Вас сохрани, не делайте этого, — убеждал он, — Вы даже представить себе не можете, какие это может иметь ужасные последствия не только для Вас, но и для всей Вашей группы. Для Вас единственный возможный путь только подтверждать показания, данные Вами на предварительном следствии». По этому пути Ефремов и пошел, а за ним и все остальные подсудимые.

Итак, «СВУ» вымышленная организация, никто из подсудимых к ней не принадлежал и до ареста даже не слышал о ней...⁵².

Из письма Ганцова становится понятным, что Ефремов стал жертвой своей порядочности, главным мотивом его действий было стремление хоть как-то защитить безвинно пострадавших людей. Разве мог он, юрист по образованию, представить себе, что в данном судилище менее всего стремились к установлению истины.

17 января 1930 Президиум ВУАН постановил освободить от занимаемых должностей всех сотрудников, арестованных по делу СВУ «за упливым дозволенного законом строку»⁵³, а через две недели Политбюро ЦК КП(б)У обсуждало письмо Сталина о деле СВУ; этот факт зафиксирован в документах, хотя само письмо до настоящего времени не найдено⁵⁴, сам факт обсуждения свидетельствует о всесоюзном размахе процесса. После

⁵² Ганцов В.М. Заявление прокурору Киевского военного округа. Документ хранится в фондах Музея города Киева.

⁵³ По истечении дозволенного законом срока (укр.). Выписка из протокола №2 заседания Президиума ВУАН // Вісті ВУАН. 1930. №1. С.7.

⁵⁴ Более подробно об этом письме см.: Шаповал Ю.И. Сталінізм і Україна // Український істор. журнал. 1991. №6. С.47.

этого в ЦК КП(б)У «совершенно секретно» был принят документ «Основные моменты по делу СВУ», подготовленный для ЦК ВКП(б), в котором подчеркиваются политические моменты обвинения, а именно — задача СВУ отделить Украину от Советского Союза, бандитский террор против советских учреждений и вождей партии Сталина, Ворошилова и др. СВУ — петлюровский центр для защиты классовых интересов украинской буржуазии — значилось в этом документе⁵⁵.

После окончания процесса 16 апреля состоялось собрание коллектива Академии, на котором единогласно клеймили «врагов», «вредителей». Собрание вел М.Ф.Кравчук — в тот период секретарь физико-математического отделения; главным тезисом его выступления было утверждение, что политическая и идеологическая борьба в Академии далеко еще не закончена, а только вступает в новую фазу⁵⁶.

И наконец, 3 июня постановлением Президиума ВУАН «У зв'язку з контрреволюційною діяльністю академіків Ефремова і Слабченка, засуджених Верховним судом, — поставлено на Сесії Ради пропозицію про виключення їх із складу академіків ВУАН»⁵⁷.

Процесс СВУ приобрел широкую известность во всей стране. Однако несмотря на кровожадные призывы уничтожить «врагов народа», которые от имени трудовых коллективов распространялись через официальную прессу, находились критически мыслящие люди, которые воспринимали эти призывы весьма скептически. К их числу принадлежал академик В.Н.Перетц, который жил в Ленинграде и наблюдал за разворачивающимися событиями, так сказать, со стороны, хотя и был лично знаком со всеми действующими лицами этой трагедии. Он писал: «Мы читаем газеты и удивляемся многому. Признаюсь, я не думал никогда, что возможны организации, подобные СВУ. И теперь признания героев ее звучат как-то даже неправдоподобно, точно из "приключенческого" романа. Только этот роман пахнет трагедией для его героев. Я не представляю себе, что могли сделать 45 интеллигентов, по сути — книжные, оторванные от жизни люди, и на что они надеялись! Уже столь явная малочисленность "заговорщиков" показывает ничтожность их дела»⁵⁸.

⁵⁵ ЦГАООУ. Особый сектор ЦК КП(б)У. Д.7. Л.120-123.

⁵⁶ Коллектив ВУАН про справу СВУ // Вісті ВУАН. 1930. №2. С.16-23.

⁵⁷ В связи с контрреволюционной деятельностью академиком Ефремова и Слабченко, осужденных Верховным судом, — поставлено на Сессии предложение об исключении их из состава академиком ВУАН (укр.). — Вісті ВУАН. 1930. №4. С.5.

⁵⁸ ИР ЦНБ АН Украины. Ф.ХХХVII. Д.107. Л.1. (В.Н.Перетц — А.М.Лободе. Письмо из Ленинграда в Киев 14 марта 1930).

Дело СВУ не закончилось после завершения процесса и вынесения приговоров, а продолжалось еще более 10 лет. В 1930-е арестованы были академики М.Ф.Кравчук, М.В.Птуха, В.Н.Перетц, несколько позже, в начале войны, — А.Е.Крымский. А непосредственно после процесса его продолжила серия чисток среди научных сотрудников.

В зарубежной прессе того времени появилось множество публикаций по поводу вспышки террора на Украине. В газете «Возрождение» прозвучали слова А.Яблоновского: «Никого из большевиков академик Ефремов не истребил и ничьей смерти не способствовал... Но, господа, академик Ефремов стоит на краю могилы. Прокурор Любченко шьет для него смертный саван. И едва ли можно сомневаться, что этот саван не будет надет... Ибо мнение в социалистическом отечестве карается с такой жестокостью, как и преступные деяния...»⁵⁹

Процесс СВУ сыграл фатальную роль в первую очередь в развитии гуманитарных наук. Никто из осужденных не дожил до своей реабилитации. Погибли в тюрьмах С.А.Ефремов, Й.Ю.Гермайзе, А.Е.Крымский и многие другие; некоторые, как В.М.Ганцов, М.Е.Слабченко, хотя и были выпущены, но лишены всех прав. Вместе с ними — талантливыми учеными — долгие годы находились в небытии их труды, исключенные из научного оборота.

А те, кто остался на воле или пришел на их место, уже не отваживались на независимую мысль. И Академия, которая в начале своего существования имела статус высшей научной институции, с этого времени превратилась в исполнительный орган политической власти. Атмосфера политического давления стала нормой академической жизни, и этот факт был закреплен в ее новом уставе, в котором отдельным пунктом провозглашалось: «Академики и весь научный персонал могут быть лишены своего звания и своих прав, если они не исполняют своих прямых обязанностей, а также если их деятельность сознательно направлена во вред Советскому Союзу»⁶⁰. Этот пункт появился в первых вариантах проекта Устава, сразу вступил в действие и на протяжении 1930-х собрал обильную кровавую жатву⁶¹.

⁵⁹ ИР ЦНБ Украины. Ф.1. Д.68613. Л.225.

⁶⁰ ЦГА ВОВ Украины. Ф.166. Оп.9. Д.358. Л.3.

⁶¹ За последнее время на Украине издан ряд новых работ, посвященных истории Украинской Академии наук; укажем некоторые из них: Історія Академії наук України. 1918-1993. Київ, 1994; Матвеева Л. Вікі історії // Вісник АН України. 1993. № 5—7; Матвеева Л., Ковальчук Л. Щоб вижила Академія // Там же. 1993. №2; Матвеева Л., Циганкова Е., Янковський О. Трагічні сторінки: 3 історії Академії наук України // Україна: Наука і культура: Вип.28. Київ, 1994; Циганкова Е., Янковський О. «Щоб не було й тіні тегемонії» // Вісник АН України. 1992. №11, і др.